

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ
СБОРНИК

III

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

В. Г. Ардзинба

НЕКОТОРЫЕ СХОДНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ПРИЗНАКИ ХАТТСКОГО И АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

Хаттский — язык древнейшего населения центральной Малой Азии. Клинописные памятники этого языка, относящиеся к II тыс. до н. э.¹, были впервые выявлены в богазкейских архивах хеттских царей и исследованы Э. Форрером².

В своих работах Э. Форрер выдвинул гипотезу о генетическом родстве хаттского и абхазо-адыгских языков³. Идея Форрера основана на предполагаемом сходстве некоторых элементов фонетической системы хаттского и абхазо-адыгских языков, господстве префиксации в формо- и словообразовании этих языков, наличии ряда лексических совпадений⁴.

В свете идеи Форрера представляет интерес установленный И. М. Дунаевской факт типологического сходства структуры

¹ Большинство хаттских текстов составлено в новохеттский период. Некоторые же тексты, на основании дуктуса, датируются периодом Древнего Царства: Н. G. Güterbock, A view of Hittite literature,— JAOS, vol. 84, 1964, № 2, стр. 109.

² E. Forrer, Die acht Sprachen der Boghazköi-Inschriften,— SPAW, 53, 1919, стр. 1029—1041; его же, Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches,— ZDMG, N. F. I, 2, 1922, стр. 174—296 (далее — F. IuS); ср. также В. Hrozný, Über die Völker und Sprachen des alten Chatti-Landes,— BoSt, 5, 1920, стр. 25—48.

³ Идея о тесных связях хаттского и абхазо-адыгских языков, независимо от Форрера, была высказана и Р. Блейхштейнером в «Berichte des Forschungsinstitutes für Osten und Orient», Bd III, 1923 (эта работа нам неизвестна); его же, [рец. на:] J. von Mészáros, Die Päkhy-Sprache (The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization, № 9, Chicago, 1934),— Ar. Or, vol. VIII, 1936, № 3, стр. 400.

⁴ Гипотеза Форрера положительно оценивается некоторыми востоковедами и кавказоведами: Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 77, 120, 168 и сл.; И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 172 и сл.; Г. А. Климов, Кавказские языки, М., 1965, стр. 80 и сл.; Т. В. Гамкрелидзе, Г. Г. Гиоргадзе, Э. А. Менабде, [рец. на:] A. Goetze, Kleinasien², München, 1957,— ВДИ, 1961, № 3, стр. 147; Ш. Д. Инал-ипа, К вопросу о древних этнокультурных связях Западного Кавказа и Малой Азии,— «IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 1—13.

хаттского глагола и глагола одного из абхазо-адыгских языков — адыгейского⁵. Это сходство прослеживается, в частности, в том, что в хаттском и адыгейском глаголе выделяется цепочка префиксов, которые располагаются в определенной последовательности⁶. При отсутствии одной или нескольких групп префиксов наличные префиксальные элементы смыкаются, а их порядок остается таким же, как и в максимально возможной цепочке префиксов⁷.

Точка зрения И. М. Дунаевской о сходстве структуры глагола хаттского и адыгейского языков поддержана также в работе И. М. Дьяконова⁸. Однако, отмечая упомянутое выше сходство, исследователи не сопоставляют хаттский с другими абхазо-адыгскими языками, в частности с абхазским и абазинским, исходя из того, что «между глагольной системой абхазского языка, с одной стороны, и адыгейского и кабардинского — с другой, нет полного структурного параллелизма»⁹.

Между тем и для абхазского и абазинского языков также характерно фиксированное расположение префиксов глагола. Порядок размещения этих префиксов совпадает с дистрибуцией префиксальных элементов в адыгских и убыхском языках¹⁰. Дистрибуция (расположение) префиксов в абхазском и абазинском, как и в адыгских, может меняться в зависимости от формы залога. Так, согласно Яковлеву и Ашхамафу¹¹, в продуктивном (переходном) залоге в адыгейском глаголе устанавлива-

⁵ И. М. Дунаевская, О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа, — «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели», М.—Л., 1960, стр. 73—77; *се же*, Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола, — «Переднеазиатский сборник», М., 1961, стр. 134 и сл.

⁶ Существуют различные точки зрения относительно числа префиксальных позиций в абхазо-адыгских и хаттском языках (8, 7 позиций в адыгских, ср. соответственно: Н. Яковлев, Д. А. Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка, М.—Л., 1941, стр. 355; М. А. Кумахов, Морфология адыгских языков, Нальчик, 1964, стр. 155; *его же*, Адыгейский язык, — «Языки народов СССР», т. IV, М., 1967, стр. 155 и сл.; ср. ниже и работу Куйперса, в которой устанавливается семь префиксальных позиций в абхазо-адыгских языках; 7, 10 позиций в хаттском, ср. соответственно: И. М. Дунаевская, Принципы структуры..., стр. 110 и сл.; *ее же*, Zum Hattischen, — OLZ, Jg. 68, № 1/2, 1973, стр. 22; A. Kammenhuber, Das Hattische, — «Altkleinasiatische Sprachen» («Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., 2 Bd., 1—2. Absch., Lfg. 2), Leiden — Köln, 1969, стр. 532.

⁷ Ср. Н. Яковлев, Д. А. Ашхамаф, Грамматика..., стр. 352 и сл.

⁸ И. М. Дьяконов, Языки..., стр. 172. В работе И. М. Дьяконова приведены также некоторые, по-видимому материально сходные, признаки хаттского и абхазо-адыгского языков, не отмечавшиеся другими исследователями.

⁹ См. Дунаевская, О структурном сходстве..., стр. 75; ср. И. М. Дьяконов, Языки..., стр. 173.

¹⁰ См. А. Н. Kuipers, The North-West Caucasian languages, — «Analecta slavica», Amsterdam, 1955, стр. 202.

¹¹ Н. Яковлев, Д. А. Ашхамаф, Грамматика..., стр. 355.

ется следующий максимально возможный порядок расположения префиксов (от начала к корню глагола): 1 (объект) — 2 (место или отношение) — 3 (орудное дополнение) — 4 (дательное или местное дополнение) — 6 (субъект) — 7 (отрицание) — 9 (корень). Дистрибуция этих префиксов отражена в адыгейской глагольной форме *у-сэ-лээгъу* «тебя-я-вижу». Такой же порядок характерен и для сходной глагольной формы абхазского языка *у-з-бе(ит)* «тебя-я-увидел» и с префиксом отрицания *у-зы-м-бе(ит)* «тебя-я-не-увидел».

Глагольная форма продуктивно-побудительного (переходно-побудительного) залога отличается от формы продуктивного (переходного) залога наличием в ней префиксов 5 (косвенного объекта) и 8 (каузатива), представленных в адыгейск. *с-е-у-мы-гъэ-лээгъу* и абх. *с-и-у-мы-р-ба(н)* «меня-ему-ты-не-показывай (давай видеть)». Следовательно, такие особенности структуры глагола, как иерархический порядок размещения префиксальных элементов, наличие семи позиций префиксов¹² и др., являются общим для хаттского, с одной стороны, и для абхазо-адыгских — с другой.

Обнаруживается и функциональное сходство некоторых префиксальных элементов хаттского и абхазо-адыгского глагола, как, например, префикса места хат. *ta-*, абх.-абаз. *та-* и адыг.-каб. *т-*¹³. В хаттском языке преф. *ta-* стоит на втором месте от корня. Между *ta-* и корнем глагола, видимо, может быть лишь преф. *h-/ha-*. В некоторых случаях преф. *h-/ha-* предшествует *ta-*¹⁴. Префикс *ta-* имеет значение «внутри, внутрь»¹⁵. Данное значение установлено, например, в следующих контекстах хаттско-хеттской билингвы KUB II, 2¹⁶.

1) (хат. II, 42) *ta-ba-ar-na ka-a-at-ti ta-ni-wa_a-aš/* (хет. II, 44) *nu-za la-ba-ar-na-aš LUGAL-uš [an-da e-eš-zi]* «И Лабарна-царь внутри сидит»;

2) (хат. III, 52—53) *Šu-li-in-kat-ti ka-at-ti a-ta-ni-wa_a-aš ú-un-hu-pi/* (хет. III, 56) *Šu-li-in-kat-ti-iš-ša-an LUGAL-uš an-da e-eš-zi* «Царь-бог Сулинкатти внутри сидит»;

¹² Kuipers, The North-West Caucasian languages, стр. 202.

¹³ На возможную связь абх.-абаз. *та-* с адыг.-каб. *т-* обратил мое внимание А. К. Шагиров. Считаю своим приятным долгом выразить ему признательность за ценные советы и консультации.

¹⁴ Причины метатезы *h-/ha-* (ср. *tu-h-ta-šul, tu-t-ha-ššul*) не ясны (ср. Дунаевская, Zum Hattischen, стр. 21). По мнению И. М. Дунаевской (Дунаевская, Принципы структуры..., стр. 108 и сл.), префикс *ta-* располагается на третьем месте от корня, а по Камменхубер (Kammenhuber, Das Hattische, стр. 532) — на пятом месте.

¹⁵ Ср., например, F. LuS, стр. 237.

¹⁶ Транслитерация контекстов билингвы KUB II, 2 дана по изданию: J. Friedrich, Hethitisches Keilschrift-Lesebuch, т. II, Heidelberg, 1960. Подробную литературу к билингве KUB II, 2 см. Kammenhuber, Das Hattische.

3) (хат. III, 40—41) pi-e-wi-il iš-pi-e-el ta-aš-te-e-ta-nu-u-wa¹⁷ (хет. III, 43—44) i-da-lu-uš-ši-kán UKÛ-aš Ê-ri an-da li-e ú-iz-zi «Неблагой человек внутри дома да не войдет!»

В абхазо-абазинских и адыгских языках между преф. та- (т-) и корнем глагола могут помещаться показатели каузатива, отрицания и некоторые другие. Префикс та- в абхазо-абазинских языках имеет значение «внутри, внутрь». В адыгских преф. т- обычно значит «(находиться) на чем-либо»¹⁸. Но в моздокском диалекте кабардинского языка, видимо, сохраняется и первоначальное значение адыгского преф. т- «внутри, внутрь»¹⁹.

В абхазо-абазинских языках преф. та- при изменении гласного получает значение: ты- «изнутри». Чередование гласных а/ы или а/о имеет место в таких глагольных основах, как а-та-ца-ра «класть внутрь» — а-ты-ца-ра «выходить изнутри», а-ца-ца-ра «класть под» — а-ц-ца-ра «выходить из-под»²⁰. В этих основах гласный (а) встречается при направлении движения «туда», а при изменении направления — «сюда» гласный (а) либо опускается, либо переходит в гласный (ы)²¹.

Глаголы, образованные от одной и той же основы с помощью чередования ее кратких гласных, выявлены и в адыгских языках²². В этих языках формы на (э) указывают на движение внутрь, а на (ы) — движение наружу²³. Эти чередования гласных рассматриваются исследователями как архаическая черта абхазо-адыгских языков²⁴.

¹⁷ О том, что хат. rē-wil не относится к предшествующей фразе, свидетельствуют данные других контекстов билингвы KUB II, 2, согласно которым хатские глагольные формы, переведенные на хеттский повелительным наклоном, всегда стоят в конце предложения (ср. ниже), а также то, что в хеттской версии термин «дом» содержится не в первой фразе (стк. 42), а во второй (стк. 43—44).

¹⁸ См. Яковлев, Ашхамаф, Грамматика..., стр. 280.

¹⁹ Об употреблении преф. т- в моздокском диалекте см. Кумахов, Морфология..., стр. 171.

²⁰ А. Н. Генко, Абазинский язык, М., 1955, стр. 171—172; К. С. Шаркыл, Аффикация в абхазском языке, Сухуми, 1961, стр. 32. Ср. также G. Deeters, Die kaukasischen Sprachen, — «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., 7. Bd, 1963, стр. 29; «Грамматика абхазского языка», Сухуми, 1968, стр. 157 и сл.; Р. Н. Клычев, Глагольные суффиксы направления в абазинском и абхазском языках, Черкесск, 1972, стр. 5 и сл.

²¹ К. В. Ломотатидзе, К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке, — «Иберийско-кавказское языкознание», т. IV, 1952, стр. 126 и сл.

²² Ср., например, Deeters, Die kaukasischen Sprachen, стр. 29.

²³ Яковлев, Ашхамаф, Грамматика..., стр. 40 и сл.; Н. Ф. Яковлев, Краткая грамматика кабардино-черкесского литературного языка, М.—Л., 1948, стр. 81 и сл.

²⁴ См. Kuipers, The North-West Caucasian languages, стр. 199; ср. Е. А. Бокарев, Г. А. Климов, Иберийско-кавказские языки, — «Языки народов СССР», т. IV, М., 1967, стр. 9.

Типологически сходные чередования, вероятно, использовались и в хаттском языке. На это, по-видимому, указывают следующие данные билингвы KUB II, 2: 1) (хат. III, 14) a-an-ta-ḥa-an²⁵ (хет. III, 17) ma-za-kán (глагол не сохранился, он находился на отбитой части таблички); 2) (хат. III, 46) pala a-an-da-ḥa/ (хет. III, 49 — хеттское соответствие отсутствует); 3) (хат. III, 46) pala a-an-ta-ḥa/ (хет. III, 49) pa-at-kán an-da da-a-š «И эти (вещи) он внутрь положил»; 4) (хат. III, 19) a-an-tu-uḥ/ (хет. III, 21) dāš-ma-za; 5) (хат. III, 45) a-an-tu-uḥ/ (хет. III, 48) dāš-ma-za «Взял же он себе (следующее)»; 6) (хат. III, 46) ak-ka-tu-uḥ/ (хет. III, 49) (pa-at) šagā dāš («И эти вещи он вверх взял»).

В этих глагольных формах выделяют два корня: 1. taḥ (a-an-t/daḥa, в котором ā- считается префиксом возвратности, соответствующим хеттской частице -za «себе»²⁶, а (a)п-, возможно, показатель субъекта, стоящего в единственном числе²⁷, и a-an-taḥa-п, где -п какой-то морфологический показатель, значение которого пока не установлено); 2. tuḥ (a-an-tuḥ, (a)kka-tuḥ, в последнем (a)kka- соответствует хет. šagā «вверх»)²⁸.

Как полагает И. М. Дунаевская, taḥ и tuḥ — два разных глагольных корня²⁹. По мнению французского исследователя Э. Лароша, вопрос о том, имеются ли здесь два различных корня или же это «две чередующиеся формы одного и того же корня, обусловленные каким-либо морфологическим изменением», остается нерешенным³⁰.

На основании единственного соответствия для хат. taḥa, сохранившегося в хеттской версии билингвы в стк. 49 «и эти (вещи) он внутрь положил», можно предположить, что хат. taḥa не является корнем глагола a-an-t/da-ḥa, a-an-ta-ḥa-an, а состоит из местного преф. ta «внутри» и корня ḥ(+)а.

Другая же основа — tuḥ, которая переведена на хеттский в билингве глаголом dā- «брать» (dāš 3 л., ед. ч., прош. вр.), ви-

²⁵ Восстановление в хат. III, 14 āntaḥan (а не āntuḥan) основано на том, что в хеттской версии содержится частица -kán (ср. об этом ниже). Об отсутствии соответствия хат. āntaḥan в хеттской версии см. Дунаевская, Принципы структуры..., стр. 79 и сл. Иначе: E. Lagoché, *Études «protohittites»*, — RA, 41, 1947, № 1—4, стр. 89—90; Kammenhuber, *Das Hattische*, стр. 480.

²⁶ Дунаевская, Принципы структуры..., стр. 133.

²⁷ A. Kammenhuber, *Hattische Studien*, I, — RHA, t. XX, fasc. 70, 1962, стр. 21; е е же, *Das Hattische*, стр. 505, 512 и сл.

²⁸ И. М. Дунаевская (Дунаевская, Принципы структуры..., стр. 81, прим. 59), установившая соответствие между хат. akkatuḥ и хет. šagā dāš, выделяет в akkatuḥ префикс в форме ka-, соответствующий хет. šagā. Ср. этот префикс как (a)kka-: Kammenhuber, *Das Hattische*, стр. 524, 529.

²⁹ Дунаевская, Принципы структуры..., стр. 82.

³⁰ Lagoché, *Études...*, стр. 94—95.

димо, образована от того же корня, что и taḥa (tu-ḥ), посредством чередования гласных в основе: а/и, а/О (t-a/t-и, ḥ-a/ḥ-О: taḥa/tuḥ)³¹. Эти чередования гласных в основе можно было бы рассматривать как способ передачи направления действия: «туда» (taḥa), «оттуда» (tuḥ). Однако в других известных хаттских текстах аналогичные чередования гласных не обнаружены.

Данное предположение, видимо, можно подтвердить лишь тем, что хаттские глаголы, содержащие корни с исходом на гласный -а, переводятся на хеттский в двуязычных текстах с помощью вводящей предложение частицы -kaḥ, содержащей указание на место (или на характер действия)³². Формы же, не содержащие в исходе корневой морфемы гласного -а, переводятся либо вовсе без -kaḥ, либо передаются посредством частиц, синтаксически не равнозначных -kaḥ. На эту особенность хаттско-хеттских билингв обратил внимание еще Э. Форрер³³. Однако наблюдение этого автора было оставлено без внимания исследователями хаттского языка.

Частица -kaḥ использована, например, при переводе упомянутых выше глаголов ānt/daḥa, āntaḥan, в то время как хат. āntuḥ и akkatuḥ переведены без -kaḥ. Кроме того, -kaḥ встречается в переводах следующих хаттских глагольных форм в билингве KUB II, 2:

1) (хат. II, 51) ta-aš-te[ēḥ-k]a-zi-ya/ (хет. II, 54) (-ma-ši)-kán (NA₄) anda lē kittari «(Неблагой же камень) внутри да не лежит!»; 2) (хат. II, 53) ta-aš-te-ēḥ-ka-az-zi-i-ya/ (хет. II, 55—56) -kán... anda lē «Внутри да не (лежат!)»; 3) (хат. III, 40) ta-aš-te-nu-ú-wa/ (хет. III, 42) -kán... [aḥ?da? l]i-e ú-iz-ṛi «Внутри? (же) он да не придет!»; 4) (хат. III, 41) ta-aš-te-e-

³¹ Отличие перевода хат. taḥa/tuḥ в хеттской версии билингвы не является веским доказательством того, что taḥa/tuḥ образованы от разных корней. При изменении направления действия может видоизменяться и смысловое значение основы, ср. абх. а-та-ца-ра «класть внутрь» и а-ты-ца-ра «выходить изнутри».

³² Согласно принятой точке зрения, хеттские частицы, в частности -kaḥ, -(a)šta, передают местные отношения: A. Götz e, Über die Partikeln -za, -kan und -šan der hethitischen Satzverbindung.— Ar. Or, vol. 5, 1933, № 1, стр. 16—30; O. Carruba, Hethitisch -(a)šta, -(a)pa und die anderen «Ortsbezugspartikeln»,— «Orientalia», N. S. 34, 1964, стр. 405—436; его же, Die Satzleitende Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens, Roma, 1969; H. G. Güterbock, Lexicographical Notes II,— RHA, t. XXII, fasc. 74, 1964, стр. 107—108; H. Otten und V. Souček, Ein althethitisches Ritual für das Königspaar («Studien zu den Boğazköy-Texten», N. 8), Wiesbaden, 1969, стр. 80—86. По мнению Джозефсона, частицы -kaḥ, -(a)šta и др. выражают характер действия: F. Josephson, The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite, Uppsala, 1972 (здесь же на стр. 1—29 подробная литература о частицах).

³³ См. F. IuS, стр. 238. Вывод Форрера основан на чередовании хаттских глагольных форм с корнем šula/šul (ср. ниже).

ta-nu-u-wa/ (хет. III, 43—44) -kán...anda lē uizzi «Внутри (же) он да не придет!»; 5) (хат. III, 52) ta-aš-tu-u-ta-šu-u-la/ (хет. III, 55) -kán an-da li-e tar-na-a-i «(Зло) внутри да не впусти!»; 6) (хат. III, 51) te-e-ta-aḥ-šu-ú-ul/ (хет. III, 54) -ašta... an-da tar-ni-eš-ki-id-du «Затем (добро) внутри да выпускает!»

Типологическое сходство хаттского и абхазо-адыгских языков обнаруживается и в принципах употребления редупликации. Последняя хорошо представлена в хаттском имени. Здесь встречаются редупликация (удвоение) целой основы, как, например, piḡpiḡ, piḡpiḡ, (še-)mupatuna «камень фундамента», (le-)šeršer «обувь», а также редупликация основы с изменением ее начального согласного: (tu-)wakku-pakku «молоток», tuli-puli(-pu), zilu-walu(-wa) и др.³⁴

Употребление редупликации в глаголе хаттского языка считается неясным³⁵. Между тем еще Форрер предположил, что в хаттском имеются глаголы с редуплицированным корнем и что редупликация означает в хаттском усиление значения корня. Он также считал, что хаттские редуплицированные глаголы переводятся на хеттский посредством итеративных глаголов на -šk-³⁶. Однако единственный пример, который привел Форрер для обоснования своего предположения, оказался сомнительным³⁷.

Тем не менее соображения Форрера, по-видимому, подтверждаются на материале других контекстов хаттско-хеттских билингв. Так, в хеттской версии билингвы KUB XXVIII, 6³⁸, повествующей о яблоне, стоящей в источнике, встречаются следующие итеративные глаголы: 7б [ak]-ki-iš-ki-iz-zi (<akkišk- «умирать»/«погибать», 3 л., ед. ч., наст. вр.), 11б iš-ḥar-ú-i-eš-ki-iz-zi (<išḥarwešk- «кровоточить» /«сочиться», 3 л., ед. ч., наст. вр.), 9б pi-it-ta-az-zi-ki-i[z]-zi. Последний глагол не встречается в других хеттских текстах, и значение его не известно. Употребление данной глагольной формы в одном и том же контексте с итеративными глаголами, ее грамматическое сходство с этими последними (окончание -zi 3 л., ед. ч., наст. вр.) дает основание предположить, что pittazzikizzi также является итеративным глаголом на -šk- (pittazzikizzi < *pittat-šk-zi?).

³⁴ См. Камменhuber, Das Hattische, стр. 498 и сл.

³⁵ Там же, стр. 496, 498.

³⁶ F. IuS, стр. 238.

³⁷ Эти сомнения связаны с тем, что в билингве KUB II, 2 хет. tar-nešk- «впускать» соответствует не хат. te-e-ta-aḥ-šu (?) -šu-ul, как предположил Форрер, а лишь te-e-ta-aḥ-šu-ul. Маловероятно, но можно допустить, что правильно восстановленные Форрера, а в тексте источника описка. Ср. KUB XVII, 28, II, 5 tu-ut-ḥa-aš-šu-ul (tu-t-ḥa-ššul) (Камменhuber, Das Hattische, стр. 445).

³⁸ См. F. IuS, стр. 239—241; Дунаевская, Принципы структуры..., стр. 70—72; Камменhuber, Das Hattische, стр. 501, 509, 519 и др.

Один из отмеченных выше глаголов на -šk- — išharwešk-, как предположила И. М. Дунаевская, соответствует хат. *kazza*³⁹. Кроме того, в хаттской версии имеется, видимо, еще одна глагольная форма (9а) *ú-za-az-za*, которая может быть сопоставлена с хет. *pittazzikizzi*⁴⁰. В *ú-za-az-za*, возможно, содержатся префиксы *u-* (или *w-*), *-za* и корень *(a)zza*. Обращает на себя внимание то, что в *u-za-(a)zza* и *ka-zza* имеются по две корневые согласные⁴¹. Наличие двух согласных в корне, по-видимому, может быть следствием удвоения корня (повторения корневой согласной), которое передается в хеттской версии посредством итератива⁴².

Можно привести еще одно соответствие⁴³ из билингвы KUB II, 2: (хат. III, 26) *pa-la a-an-da-ar-pu pí-iz-zi-e wa_a-aš-ḥa-ar/* (хет. III, 28) *pa-aš-ta DINGIR. MEŠ an-da ú-uš-k[i-e-ir...* В этой фразе хат. *pa-la* = хет. *pašta* «и затем», хат. *wa_a-šhar* = хет. DINGIR.MEŠ «боги», а хат. *pizze*⁴⁴, по-видимому, не имеет соответствия в хеттской версии. Глагольная форма *a-an-da-ar-pu* может быть сопоставлена с хет. *anda ušker* «они (боги) внутрь поглядывали»⁴⁵. Префикс *da-* в хаттском предикате может быть сходным с хет. *anda* «внутри», а глагольный корень *(a)ppu*, видимо, соответствует хет. *ušk-* «поглядывать».

³⁹ Дунаевская, Принципы структуры..., стр. 72. Форрер (F. IuS, стр. 240) отождествлял *išharweškizzi* с *limmuša*.

⁴⁰ В подтверждение настоящего предположения можно указать на то, что сопоставляемые формы в обеих версиях стоят в конце фразы (ср. ниже о соответствиях структуры предложений оригинала и перевода в билингвах).

⁴¹ И. М. Дунаевская (Дунаевская, Принципы структуры..., стр. 72) рассматривает *kazza* как *kaz(z)-a* с корнем *kaz-*.

⁴² Ср. сходное соотношение функций глаголов на -šk- и редуцированных глаголов в самом хеттском языке: N. van Brock, Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen,— RHA, t. XXII, fasc. 75, 1964, стр. 119—165; В. В. Иванов, Общиневропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965, стр. 145 и сл.

⁴³ Хеттский итеративный глагол *uddaneškizzi* (<*uddanešk-* «умолять» («заклинать»)) встречается и в билингве «О божу луны, упавшем с неба» (КВ XXVIII, 4, лиц. стор., прав. столб. 166, 236; ср. A. Kammenhuber, Die protohittisch-hethitische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist,— ZA, N. F. 17(51), 1955, стр. 106, 110). Хаттское соответствие для этого глагола неясно.

⁴⁴ Мнение Хааса (V. Haas, Der Kult von Nerik («Studia Pohl», 4), Roma, 1971, стр. 75) о том, что хат. *pizze* (*pi-* локат. преф. и *-izzi*) значит «добро», нам кажется ошибочным. Во-первых, в хеттской версии данной строки билингвы KUB II, 2 нет термина «добро», а во-вторых, установлено, что по-хаттски «добро», «хороший/благой» — *malḥip* (см., например, F. IuS, стр. 231).

⁴⁵ Согласно Хаасу (Haas, Der Kult..., стр. 75), хат. *andappu* соответствует хет. *ušk-*. См. здесь же данные одноязычного (хаттского) текста KUB XXVIII, 31, лиц. стор., 1'—5', с глаголом *andappu*.

Однако в хаттском глаголе содержится префикс (а)п-, который считается показателем единственного числа субъекта⁴⁶. В приведенном же контексте субъект (wa_a-ṣ̌ɬap) стоит во множественном числе. Вероятно, это «несоответствие» может объясняться тем, что редуцированный глагол может приобретать значение множественности и поэтому он сочетается с субъектом, стоящим во множественном числе⁴⁷. Это предположение, видимо, подтверждается тем, что приведенный выше из билингвы KUB XXVIII, 6 глагол ka-zza, не содержащий показателей субъекта или объекта, соотносится с прямым объектом во множественном числе li-tiṣa (где li- притяжательный префикс множественного числа)⁴⁸.

Редуцированные основы широко представлены и в именных, и глагольных формах абхазо-адыгских языков⁴⁹. Так, в свете данных хаттского языка представляют интерес формы, образованные путем удвоения целой основы, типа абх. *a-qanqan* «род обуви» (возможно, основа звукоподражательного происхождения), или посредством редукации слова с изменением его начального согласного, как, например, абх. *a-xuашы-машы* «крошки»⁵⁰, каб. *ныкѳуэ-дыкѳуэ* «калека»⁵¹.

В глаголе повторение корневой согласной или корня слова может быть связано со значением многократности, длительности, интенсивности действия⁵². Так, в абхазском языке: *a-ca-ra* «резать» — *a-cca-ra* «разрезать», *a-x-ra* «колоть» — *a-xx-ra* «раскалывать», *a-x̣a-ra* «говорить» — *a-x̣ax̣a-ra* «кричать». Редукация может использоваться и для выражения множественности. В этом случае редуцированная основа может сочетаться с субъектом (или объектом), стоящим во множественном числе, а простая основа — с субъектом (или объектом) в единственном числе⁵³.

⁴⁶ См. об этом выше.

⁴⁷ Ср. хет. *leliṣwa(i)* — «наливать в несколько сосудов», *wewak-* «многократно требовать» (о множестве объектов): Иванов, Общенноевропейская..., стр. 146.

⁴⁸ См. о le-: F. IuS, стр. 231; Lagosche, *Études...*, стр. 79; Дунаевская, Принципы структуры..., стр. 72.

⁴⁹ Подробный анализ явления редукации в глаголе абхазского языка см. Б. В. Шинкуба, Удвоение в абхазском языке, — «Тр. АИЯЛИ», т. XVII, 1956, стр. 193—212.

⁵⁰ Удвоение основы с изменением ее начального согласного встречается и в глаголах абхазского языка: там же, стр. 198 и сл., 208 и сл.

⁵¹ Кумахов, Морфология..., стр. 119.

⁵² См. указанную выше работу Б. В. Шинкуба; ср. «Грамматика абхазского языка», стр. 160, 162. Ср. о выражении интенсивности-итеративности посредством редукации в других языках: Е. Д. Поливанов, Статья по общему языкознанию, М., 1968, стр. 143—145 (см. здесь же стр. 334, комментарий Вяч. Вс. Иванова).

⁵³ «Грамматика абхазского языка», стр. 162. Ср. о том, что прием повторения основы может иметь значение множественности: Шинкуба, Удвоение..., стр. 195, 211.

Хотя структура хаттских простых предложений пока еще специально не исследована⁵⁴ и предполагается, что в хаттском мог существовать свободный порядок расположения членов предложения⁵⁵, тем не менее на основании данных известных хаттско-хеттских билингв можно предположить существование двух структурных типов простого предложения в хаттском языке.

Первый тип представляют предложения, в которых на первом месте располагается субъект (или объект), на последнем — предикат. Такой порядок встречается как в следующем предложении билингвы KUB II, 2: ⁴²ta-ba-ar-na ka-a-at-ti ta-ni-wa_a-aš «Табарна царь внутри сидит»⁵⁶, так и во всех хаттоязычных предложениях этой билингвы, глаголы которых переведены на хеттский повелительным наклонением, как, например: ⁴⁰a-ša-aḫ ta-aš-te-nu-ú-wa pí-e-wi-il ⁴¹iš-pí-e-el ta-aš-te-e-ta-nu-u-wa «Зло да не придет! Внутрь дома неблагодой человек да не придет!»⁵⁷. При наличии в предложении прямого объекта последний ставится между подлежащим и сказуемым: ⁴⁶wa_a-aš-ḫa-ar-ma eš-wu_u-ur aš-ka-aḫ-ḫi-ir... «Боги страны разделили»⁵⁸.

Если же в предложении помимо прямого имеется еще и косвенный объект, то он может предшествовать прямому объекту: ³³Eš-ta-a-an ^{urru}La-aḫ-za-an li-e-we_e-e-el ⁴³a-an-te-eḫ «(Бог) Эстан в городе Лахцан свои дома построил»⁵⁹.

Во второй тип входят все предложения, не относящиеся к первому типу. В предложениях этого типа глагол стоит в начале или в середине предложения, а вслед за глаголом идет прямой и косвенный объекты:⁶⁰ ²³[a-am-m]i-iš li-e-ú-it-ta-nu ra-la li-e-iz-zi-pí-na ²⁴ra-la a-an-ne-eš ka-a-ḫa-an-wa_a -šú-id-du-ur «Взял он свои сыры? и творога? и затем положил (их) на трон».

Употребление в хаттских версиях билингв предложений второго типа отражается и в структуре соответствующих хеттских

⁵⁴ Ср. Kammenhuber, *Das Hattische*, стр. 475.

⁵⁵ Там же, стр. 543.

⁵⁶ KUB II, 2, II. Переводы приводимых строк билингвы KUB II, 2 даются по исследованиям: F. IuS; Lagosche, *Études...*; Дунаевская, *Принципы структуры...*; Kammenhuber, *Das Hattische* (здесь же см. подробную литературу вопроса). Ср. также A. Kammenhuber, *Hattisch, — (Alt)kleinasiatische Idnices zum Handbuch der Orientalistik*, MSS, Beiheft 4, München, 1969.

⁵⁷ KUB II, 2, III. К данному типу конструкции предложения ср. KUB II, 2, II, 51, 52—53, 57—60; III, 2—6, 10, 11, 36, 51, 51—52.

⁵⁸ KUB II, 2, II. Ср. также a-aš-ka[-aḫ-ḫi-ir] в недавно изданном дубликате хаттской версии билингвы KUB II, 2 — KBo XIX, 162, лиц. стор., 4.

⁵⁹ Настоящую строку из строительного ритуала см. J. Friedrich, *Zu einigen altkleinasiatischen Gottheiten, — «Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung»*, Bd II, 1952—1953, стр. 146; A. Kammenhuber, *Hattische Studien I*, стр. 3—5 и сл.; ее же, *Das Hattische*, стр. 471—472 и др.

⁶⁰ KUB II, 2, III.

предложений. Последние, в ряде случаев, выглядят как своего рода «подстрочные переводы», передающие не только содержательные оригинала, но и сохраняющие последовательность расположения членов хаттского предложения. Так, например, в хеттоязычных предложениях билингвы KUB II, 2 глагол встречается не только на своем обычном месте в конце фразы⁶¹, но и в ее начале⁶² и середине⁶³. Прямой и косвенный объекты могут стоять в конце предложения⁶⁴.

В абхазо-адыгских языках, так же как и в хаттском, при обычном порядке слов в простом предложении на первом месте стоит субъект, на последнем — предикат. Между ними располагаются косвенное, прямое дополнения, обстоятельство, орудное дополнение. Могут меняться местами косвенное и прямое дополнения и реже субъект и прямое или косвенное дополнения. Это изменение порядка последовательности не связано с выделением какого-либо из членов предложения⁶⁵.

Выделение слова, на которое говорящий обращает особое внимание, осуществляется, например в адыгских языках, с помощью постановки этого слова в конец фразы. Этот способ инверсии может также сочетаться с повышением тона голоса на выделяемом члене предложения⁶⁶.

В связи с предполагаемым сходством структуры простого предложения хаттского и абхазо-адыгских языков представляются интересными совпадения правил сочетаемости имени и прилагательного (которые морфологически не дифференцированы в хаттском⁶⁷ и строго не различаются в абхазо-адыгских языках)⁶⁸. Так, относительные прилагательные часто

⁶¹ Относительно нормального индоевропейского порядка слов (в простом предложении повествовательного стиля) с глаголом в конце предложения см.: Иванов, *Общиндоевропейская...*, стр. 194; W. Dressler, *Eine textsyntaktische Regel der idg. Wortstellung*,—ZVS, Bd 83, 1969, № 1, стр. 21; егo же, *Über die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax*,—ZVS, Bd 85, 1971, № 1, стр. 18.

⁶² Ср. KUB II, 2, II, 43; III, 21, 25, 48.

⁶³ Там же, II, 49; III, 22, 25, 49—50.

⁶⁴ KUB II, 2, II, 49, 50; III, 21, 22, 25, 48, 49—50. Согласно В. В. Иванову (*Иванов, Общиндоевропейская...*, стр. 258), хеттский характер конструкций некоторых предложений в билингве KUB II, 2 выражается в размещении за глаголом и комплексом энклитик имен, связанных с глаголом; ср. Dressler, *Eine textsyntaktische Regel...*, стр. 7.

⁶⁵ См. Яковлев, *Ашхамаф, Грамматика...*, стр. 90—91; А. К. Шагиров, *Кабардинский язык*,—«Языки народов СССР», т. IV, М., 1967, стр. 178—179; ср. М. М. Цицколия, *Порядок слов в абхазском языке*, Тбилиси, 1973, стр. 352 и сл., 356, 360, 362.

⁶⁶ Яковлев, *Ашхамаф, Грамматика...*, стр. 91.

⁶⁷ См. Kammenhuber, *Das Hattische*, стр. 451 и сл., 469.

⁶⁸ Кумахов, *Морфология...*, стр. 136; егo же, *Адыгейский язык*, стр. 151. Ср. К. В. Ломтатидзе, *Абхазский язык*,—«Языки народов СССР», т. IV, М., 1967, стр. 110.

в хаттском и почти всегда в абхазо-адыгских языках стоят перед определяемым именем существительным: хат. *ḥaralki(y)-an kurkural* «железные колышки», *ḥaralki(y)-an katrupišet* «железный катпуписет», *ḥaralki(y)-an tetekuzzan* «железный очаг(-алтарь)⁶⁹; абх. *аба-тә оны* «медный дом», адыгейск. *пхъэун* «деревянный дом». Качественные же прилагательные ставятся после определяемого имени существительного: хат. *rip ašaḥ* «камень неблагой»⁷⁰, абх. *ацъыс*, каб. *шышлэ* «жеребенок» (букв. «лошадь молодая») ⁷¹.

Сходство структуры простого предложения и правил сочетаемости имени и прилагательного в хаттском и абхазо-адыгских языках существенно тем, что порядок слов в этих языках является одним из главных средств выражения синтаксической связи членов синтагмы ⁷².

Приведенные выше сопоставления структуры хаттского и абхазо-адыгских языков, несомненно, нуждаются в дальнейшей проверке и изучении. Тем не менее некоторые из них, видимо, свидетельствуют в пользу предполагаемого родства хаттского и абхазо-адыгских языков ⁷³.

⁶⁹ См. эти данные хаттско-хеттской билингвы: E. Lagoché, *Études de vocabulaire VI*, — RHA, t. XV, fasc. 60, 1957, стр. 10; И. М. Дунаевская, Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения, — ВДИ, 1964, № 1, стр. 103; Kammenhuber, *Das Hattische*, стр. 478 и сл. По мнению А. Камменхубера (Kammenhuber, *Das Hattische*, стр. 453, 486, 544), синтаксически связанные слова в хаттском языке располагаются в последовательности: детерминирующий — детерминируемый.

⁷⁰ КУВ II, 2, II, 51. Чтение *ašaḥ* (вместо *išaḥ*) приводится по одноязычному дубликату билингвы КВо XIX, 162, лиц. стор., l. В *ašaḥ* (*išaḥ*) иногда выделяют а-, i- в качестве флексии (см. F. IuS, стр. 231; Lagoché, *Études...*, стр. 86). Против: Kammenhuber, *Das Hattische*, стр. 458 и сл.

⁷¹ О принципах словосочетаний в абхазо-адыгских языках см. указанные выше (прим. 68) работы Кумахова, Ломтатидзе. Ср. также Шагиров, Кабардинский язык, стр. 169; Л. П. Чкадуа, Связь слов в предложении, — «Сборник материалов по абхазскому языку», Тбилиси, 1970, стр. 77—96; Циколиа, Порядок слов..., стр. 351 и сл., 356 и др. В хаттских текстах встречаются и примеры с последовательностью: качественное прилагательное — имя, как, например, *wā-šaḥ alip* «неблагое слово» (КУВ XXVIII, 82, лиц. стор., 15; КУВ XXVIII, 24, лиц. стор., лев. столб. 4—6 и др.), *wā-šaḥ zīḥar* «неблагое дерево» (КВо XIX, 162, лиц. стор., 15). По техническим причинам в абхазских словах употреблены знаки q, ø, č для фарингального абруптива, ларингального спиранта и переднеязычной аффрикаты.

⁷² Последовательность существительное — прилагательное связывают со структурой предложения типа субъект — глагол, с преобладанием в языке послелогов, и объясняют как универсалию, см.: Д. Гринберг, Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов, — «Новое в лингвистике», вып. V, М., 1970, стр. 119 и сл., 146. Следует отметить, что синтаксические сходства хаттского и абхазо-адыгских языков являются чисто типологическими.

⁷³ Настоящая статья является вариантом доклада, прочитанного на Международной конференции в Будапеште, см. в тезисах: «Internationale Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder», Budapest, 1974, стр. 10—15.